

Вспоминает сестра Екатерина РУБАШОВА¹

Начало 1926 года. Маленькая комнатка в помещении Ленинской библиотеки. Живут в ней два больших человека — удивительно, как они в ней размещались, — Сергей Михайлович Соловьев² и Владимир Оттонович Нилендер³. В этой комнатушке я впервые увидела Сергея Михайловича. Было ему тогда лет 40, может быть, 41. Высокий, худощавый, темнорусый; глаза — ярко-синие, с длинными ресницами; в детстве, слышала, называли его "маленький лорд Фаунтлерой". Таким запечатлелся в моей памяти. Еще запомнился его смех: смеялся часто, громко и невесело, чувствовалась с трудом сдерживаемая порывистость, нервность. Чем ближе и больше его знала, тем больше открывались: острота ума, глубина мысли, исключительная доброжелательность к людям, детская простота и удивительная неприспособленность во всех житейских делах; к этому времени определилось и установилось его мировоззрение.

В своем мировоззрении он прошел долгий и нелегкий путь исканий. В годах 1913-1916 — полное обращение к Богу, религиозным был с детства. Священником стал, кажется, в 1916 году, точно не знаю. После 1917 года начинаются его еще более мучительные поиски полноты истины, истинности церковной. Тяготение к католичеству было давно, официально принял католичество в 1923 году. В 1926 году, когда мы познакомились, он был убежденным католическим священником восточного обряда. В течение пяти лет мы виделись с ним ежедневно, а иногда и два раза в день, были большими друзьями, хотя он был и старше меня на 24 года, так он умел подходить к каждому.

Служил Сергей Михайлович в храме Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, что на Малой Грузинской, в этом большом храме готического стиля. Небольшой, оставшейся на свободе после арестов 1922-1924 годов группе русских католиков был выделен для богослужений на славянском языке боковой алтарь Остробрамской Богоматери. Ежедневно на этом алтаре Сергей Михайлович служил обедню, а в канун больших праздников — и всенощную. Редко приходилось видеть подобное по красоте служение (эта часть его работы была совершенно бесплатной). Храм был большой, высокий и не отапливался. От прикосновения ежедневно к намерзшей холодной чаше губы Сергея Михайловича прилипали к металлу, поэтому были почти всегда окровавлены.

¹ Рукопись предоставлена священником Георгием Фридманом.

² СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович, родился в 1885 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1916 — литератор и научный работник, преподавал также греческий язык и греческую литературу в университете. Учился в право-славной духовной академии, в 1916 — был рукоположен и с 1919 — служил в Саратовской области. В 1920 — на Рождество принят в лоно Католической Церкви, но сомнения в правильности выбора привели к тому, что в 1922 — он вернулся в православие. В 1923 — вновь перешел в католичество, с 1926 — вице-экзарх русских католиков; без регистрации совершал богослужения в костеле и нелегально на квартирах. 15 февраля 1931 — арестован по групповому делу (по причине нервного расстройства подписал тяжелые обвинения против себя и общины). 18 августа 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку в Казахстан. 7 октября 1931 — направлен в психиатрическую больницу; 23 октября выдан родственникам. 2 марта 1942 — скончался в Казани.

³ Нилендер Владимир Оттонович — российский и советский переводчик, литературовед, поэт, организатор библиотечно-издательского и музейного дела.

На жизнь Сергей Михайлович зарабатывал литературным трудом: переводил Эсхила, Софокла, Шекспира, Мицкевича, начал перевод "Божественной комедии" Данте, но из-за ареста в 1931 году этот перевод не был закончен. Кроме переводов Сергей Михайлович преподавал еще в Литературном институте. Платили нерегулярно, с большими запозданиями, и я помню Сергея Михайловича всегда в нужде, плохо одетого и обутого, в рваных ботинках с отлетающими подошвами. Почти весь заработок посылал своим двум девочкам, Наташе и Оленьке, живущим с матерью не то около Тамбова, не то около Воронежа. Изредка их привозили к нему, несколько раз я видела их на Плющихе, где он последнее время жил в маленькой комнатухе на пятом этаже в доме без удобств.

В смысле материальных, хозяйственных дел Сергей Михайлович был беспомощнее ребенка. Помню, как он обратился с просьбой помочь ему вымыть голову, и одна из его друзей, согрев на керосинке воду, поливала из чайника на голову Сергея Михайловича, стоящего на коленях. Он легко и просто принимал малейший знак внимания, ничтожную услугу. Как ребенок радовался, если кто-нибудь из нас, его друзей, дарил ему ботинки, галоши или рубашку.

Когда запретили богослужение на славянском языке в храме, Сергей Михайлович продолжал совершать обедни и всенощную на квартире у своих друзей. Также на квартире читал свои доклады: запомнились его работы о Сергии Радонежском, о Серафиме Саровском, о соединении Церкви и на другие богословские темы. Словом владел замечательно и в беседах, и в научных трудах: мысль была всегда самобытной и глубокой, речь художественно-одаренной.

15 февраля 1931 года и Сергей Михайлович, и его немногие друзья были арестованы. Один только раз я видела его в тюрьме, уже совсем больного. Его нежная, легко ранимая, незащищенная психика была не для подобных испытаний. Он психически заболел, бывали как будто некоторые улучшения, кратковременные. Больше я с Сергеем Михайловичем не видалась, так как не имела возможности.

Умер он в последних числах декабря 1941 года в специальной психиатрической больнице в Казани от болезни и истощения.